

Гарри вдруг обнаружил себя в другом месте. Он медленно открыл глаза и обнаружил, что лежит на земле в каком-то очень белом месте.

Он понял две вещи.

Первая: он был голым. В большинстве случаев это не очень хорошо, но в данном случае это было особенно плохо, поскольку последнее, что он помнил, - это то, что его окружали люди, которые ненавидели его и желали ему зла.

Второе: неподалеку лежало совершенно ужасное существо неправильной формы. Оно свернулось в позу эмбриона, распластавшись на земле, словно кто-то по неосторожности бросил его туда, прежде чем все о нем забыли. Гарри понял, что оно почти такое же бледно-бледное, как и Лорд Волан-де-Морт, а лицо определенно напоминало то, которое он только что видел на воскресшем Темном Лорде.

Гарри тут же отполз от него неловкой крабьей походкой, хотя существо не сделало ни единого движения, чтобы напасть на него или даже признать его в своих жалобных криках.

Он неловко поднялся на ноги и опустил взгляд на себя, вновь почувствовав себя очень неловко и пожалев, что у него нет одежды. Словно повинуясь его воле, он вдруг оказался одетым в брюки и футболку.

Чувствуя себя более комфортно, когда он больше не был обнажен в незнакомом месте, он оглядел местность, в которой оказался. Ему потребовалась минута, чтобы понять, что это похоже на Кингс-Кросс.

Если бы Королевский крест был безупречно чистым. И светился белым светом. И не было бы людей.

Он не был уверен, какой из этих вариантов наименее вероятен. Но мысленно отнес все три варианта к разряду "когда ад замерзнет" - странностей, которые обычно случались в его жизни.

Его размышления прервал мягкий, почти благоговейный голос, раздавшийся у него за спиной: "Гарри... мой малыш..."

Гарри обернулся, широко раскрыв глаза.

Там стояли люди, которых он видел только в фотоальбоме, ночных кошмарах и в Зеркале Эриседа.

Лили Поттер прижимала обе руки ко рту и явно боролась со слезами, наворачивающимися на глаза. Она смотрела на него так, будто в любой момент может упасть от слабости в коленях.

Рядом с ней, обняв её за плечи, стоял мужчина, который мог быть только его отцом. Гарри убедился в точности увиденных образов: у мужчины были такие же темно-черные волосы и похожее строение лица.

Гарри отметил все это краем сознания, когда его челюсть отпала в недоумении, и сделал маленький нерешительный шаг в их сторону, как будто слишком близкое приближение могло привести к тому, что люди перед ним просто исчезнут, или он столкнется с отражающим куском стекла, как это было много раз на первом курсе, когда он смотрел в Зеркало Эризеда.

Однако этот маленький шаг вперед стал тем, что открыло шлюзы.

Лили Поттер потеряла всякую видимость самообладания. Она резко вырвалась из рук Джеймса и бросилась вперед, налетев на Гарри, как ракета, и заключив его в свои объятия, громко всхлипывая и повторяя снова и снова. "Мне жаль... Мне так жаль".

Гарри не понимал, за что она извиняется. Он даже не мог вставить ни слова, чтобы спросить ее. Она цеплялась за него и была почти в истерике. Однако главной мыслью в его мозгу было то, что мама обнимает его.

Об этом он мечтал долгие годы. Его мозг подхватил его действия, и он крепко обхватил ее руками, не желая отпускать. Он обнаружил, что тоже тихонько плачет.

Мгновение спустя он почувствовал, как другая рука опустилась ему на плечи и прижала к себе. Гарри поднял голову и понял, что к его объятиям присоединился отец: Джеймс Поттер притянул к себе Гарри и его жену, а также обнял сына. По лицу отца было видно, что в его глазах тоже стоят слёзы, хотя он сохранял самообладание гораздо лучше, чем его жена и сын.

Прошло несколько минут, прежде чем они успокоились. Джеймс отступил назад, чтобы дать Гарри немного передышки, но не отошел далеко, его рука осталась на плече Гарри.

Лили, напротив, категорически отказывалась отпускать Гарри, и каждый раз, когда он хоть немного смещал свое тело, она прижималась к нему еще крепче, словно боясь, что он отстранится от нее. Гарри, в свою очередь, не делал никаких движений, чтобы отстраниться, глубоко вдыхая и просто наслаждаясь ощущением того, что после столь долгого времени он наконец-то обнимает свою мать.

"Почему ты сожалеешь?" тихо спросил Гарри, когда ее рыдания стихли до простого сопения, хотя он не отстранился, чтобы задать этот вопрос.

Лили тихонько икнула, но сделала вдох, чтобы предотвратить новый виток рыданий. Вместо этого она слегка отклонилась назад, чтобы посмотреть на него прямо, а ее рука потянулась вверх, чтобы провести пальцами по его лицу, щеке и волосам. Гарри заглянул в глаза, которые были так похожи на те, что он видел в зеркале каждый день.

"Мне так жаль, что нас не было рядом с тобой. Что мы умерли, а тебя вырастил этот... этот..." Лили, казалось, с трудом подбирала слова.

"Гребаная сука и ее чертов муж", - добавил Джеймс, хотя и немного мрачновато.

Гарри слегка покачал головой, когда его разум наконец начал осознавать, что происходит и где он находится: "Значит... я... я умер?" Он нерешительно спросил, несколько раз перебирая в уме вопрос, когда до него дошла реальность происходящего.

Он обнаружил, что на самом деле все не так страшно, как ему казалось. Он увидел, как родители обменялись взглядами, но тут его осенило еще одно ужасающее осознание. "Седрик Диггори... он..."

Лили и Джеймс склонили головы: "Эта предательская крыса ударила его Убийственным проклятием. Мне жаль, Гарри... он мертв". тихо сказала Лили, выступая за них обоих.

Гарри вздрогнул и склонил голову. Это была его вина, что мальчик умер. Слезы навернулись ему на глаза, и он крепко зажмурился. Он попытался отстраниться от Лили, не желая видеть разочарование, отразившееся в ее глазах, как он был уверен.

Лили подумала о другом: она покачала головой и притянула его к себе, не позволяя отстраниться: "Малыш, все хорошо. Это не твоя вина. Седрик уже прошел и сказал нам, что не винит тебя". Она говорила так, словно могла читать мысли сына.

Гарри еще несколько секунд пытался отстраниться, но у него не хватало ни сил, ни желания бороться за то, чтобы вырваться из объятий матери. "Как он может не хотеть? Это всё моя вина. Я настояла... Я практически заставила его взять чашку с собой. Я ничего не могла сделать и просто стояла там, пока Червехвост убивал его! Я был совершенно беспомощен и ничего не мог с этим поделать".

Гарри поднял глаза на мать, и только понимание и полное отсутствие обвинения на её лице не позволили ему снова сломаться.

"Нет, Гарри! Это Волдеморт виноват в том, что все это началось. Питер виноват в том, что наложил проклятие, Дамблдор - в том, что допустил этот фарс с Турниром, и в том, что в мире волшебников творится такое дерьмо. Волшебный мир виноват в том, что раз за разом позволяет всему этому происходить", - сказала Лили, ее знаменитый нрав, о котором он так много слышал, набирал обороты и даже заставил глаза ее мужа слегка расшириться, прежде чем она внезапно остановилась, сдулась и закрыла одной стороной лицо своего сына.

"Но ты пытался. Ты просто... не можешь спасти всех". Лили сказала тихо, но с абсолютной убежденностью в голосе, большим пальцем вытирая слезу с лица Гарри.

Гарри поднял на нее глаза и тяжело вздохнул - никто и никогда не делал этого раньше. Один только этот крошечный жест принес ему больше утешения, чем когда-либо за всю его жизнь от авторитетных людей. Он не был уверен, что может согласиться с тем, что вина не является хотя бы частично его, но не собирался спорить, не сейчас.

Он тихонько вздохнул и позволил небольшой улыбке появиться на своем лице. "И теперь я тоже мертв", - тихо констатировал он.

Эта мысль показалась ему странно приятной. Мысль о том, что ему не придется мириться с Волшебным миром или Дурслями, успокаивала, когда он думал о перспективе.

"Нет, если ты не хочешь". Джеймс тихо ответил, вступая в разговор во второй раз.

Гарри наклонил голову и посмотрел на отца с удивлением на лице.

<http://tl.rulate.ru/book/104068/3637430>